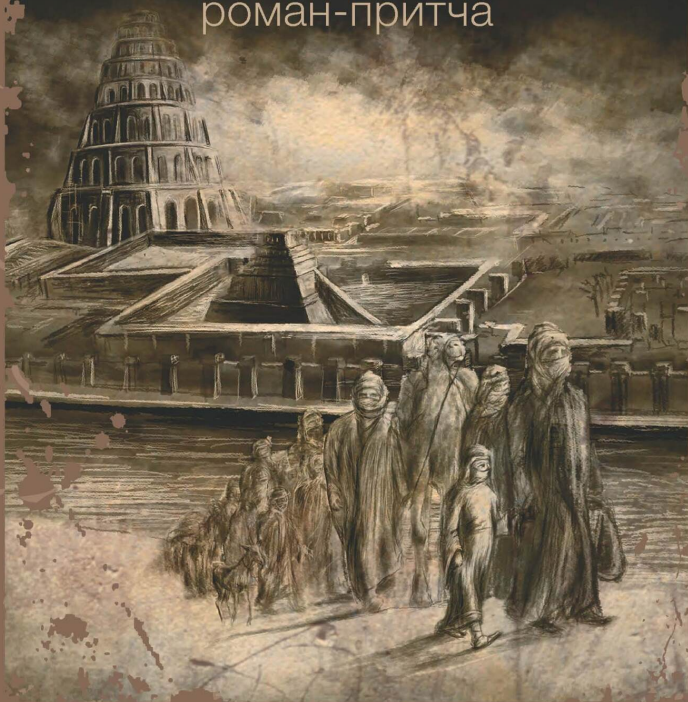

Семён Винокур

БИТВА АВРААМА

роман-притча

Семен Матвеевич Винокур

Битва Авраама

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66171090

Битва Авраама: Laitman Kabbalah Publishers; Израиль; 2018

ISBN 978-965-7577-75-2

Аннотация

Роман-притча «Битва Авраама» – попытка реконструировать драматические события начала жизни одного из самых известных героев в истории человечества.

Но вместе с тем, это глубокий рассказ о каждом из нас.

Книга написана на основании «Большого комментария» («Мидраш Раба»), произведений РАМБАМА – великого мудреца 12 века, трудов римского историка Иосифа Флавия, а также благодаря беседам автора со своим Учителем и его собственным ощущениям и предположениям.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Книга первая. Начало	9
Звезды говорят	9
Башня до небес	12
Гений Шелах	17
Мы победили богов!	24
Родиться, чтобы умереть?	29
Мечь жреца	33
Кубок с ядом	36
Мальчик и боги	41
Пустые небеса	46
Рождение Звезды	49
«И малое дитя поведет их...»	55
Бойня	63
Почему человек убивает?	69
Спасение	76
Неотвратимая встреча	82
Открытие Аврама	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Семён Винокур

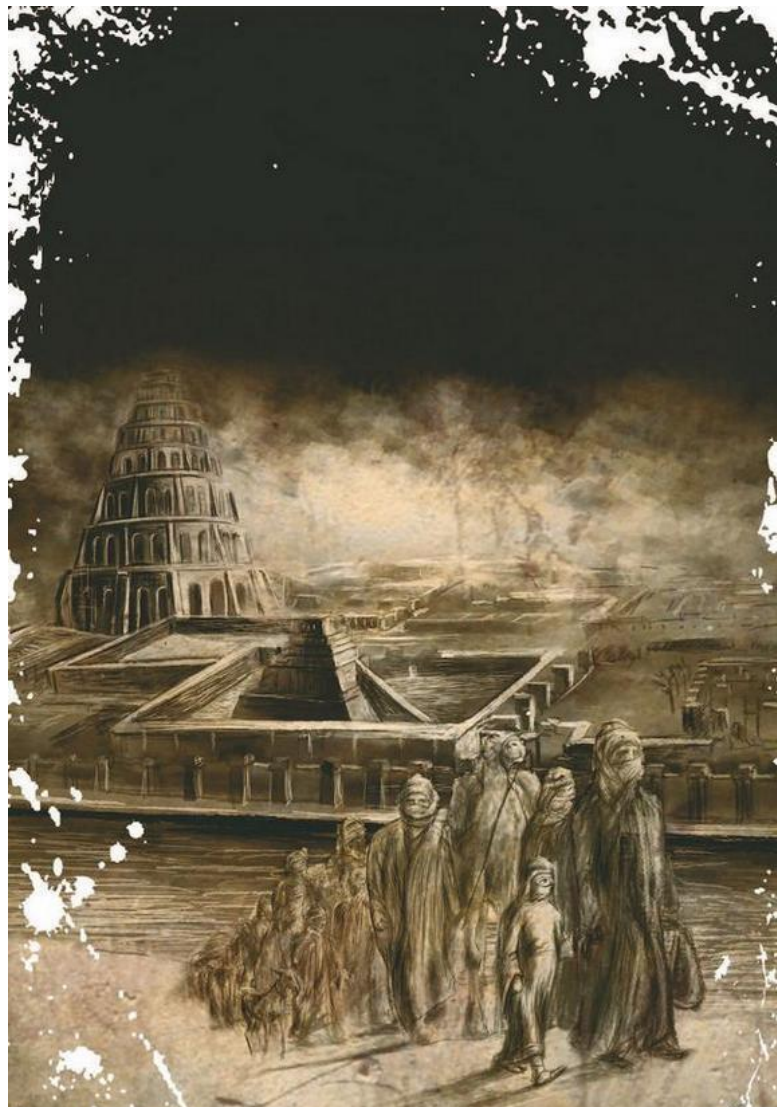
Битва Авраама

Моему Учителю

Михаэлю Лайтману

Copyright [c] 2018 by Laitman Kabbalah Publishers
1057 Steeles Avenue West, Suite 532
Toronto, ON M2R 3X1, Canada
All rights reserved

© Винокур С., 2018.

Вы можете читать эту книгу, как роман.

О том, как столкнулся с юным Аврамом сильный, умный, коварный царь Вавилона Нимрод, «бог на земле, который сам себя сотворил, рука которого разила наповал любого, и не одного, а множества».

Все силы Нимрода были брошены на то, чтобы сначала убить Аврама, – не получилось.

Тогда склонить! – не склонили.

Жрецы и колдуны, убийцы и тюремщики Нимрода хотели заставить его жить как все.

Не заставили.

Ему были уготовлены казни, которые не выдерживал никто.

А он выдержал.

Как же он не сдался, ведь все сдались?!

Как смог сохранить веру, ведь все отреклись?!

Что раскрылось ему в пещере, вдалеке от людей?

И с кем говорил он там, глубоко под землей, в темнице, из которой не должен был выйти никогда.

Об этом роман «Битва Авраама»¹.

Но это и притча. И если будете читать книгу как притчу, то раскроется вам, что разговор идет о каждом из нас. Потому

¹ При рождении он получил имя Аврам. После духовных постижений Творец даровал ему имя Авраам, под которым его и запомнили потомки.

что в каждом из нас живет он – царь Нимрод.

Царь Нимрод – это сила, которая движет нами. Это наше «Я», наша гордыня, наше себялюбие, которое держит нас «за сердце».

Это он правит нами! Это он сталкивает нас, не дает жить в мире с другими и с самими собой!

И, надо признать, что он близок нам, царь Нимрод. Мы ведь всегда тоскуем по сильному вождю.

А Аврам?

Кто он такой, этот Аврам? Что это за сила такая?!..

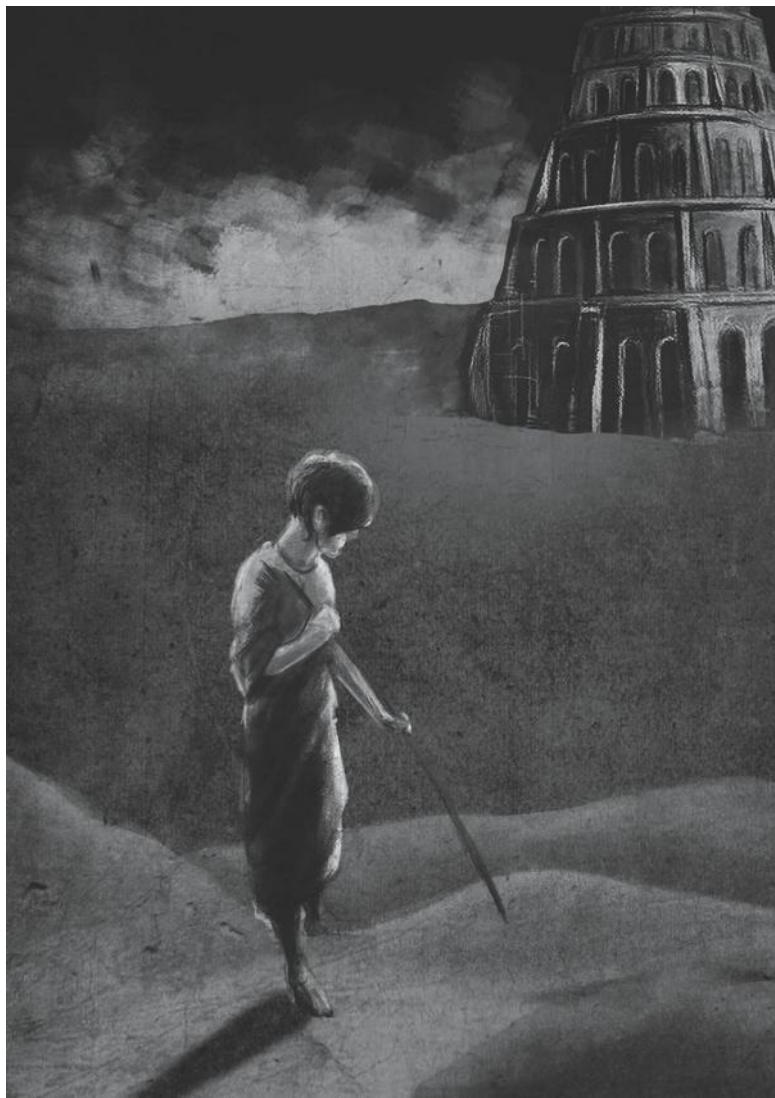
Он юн, слаб, он еле-еле пробивается в нас.

Росток добра, точка любви в нашем гордом сердце – вот кто такой Аврам.

И он не близок нам. Ведь он говорит об отдаче, о Единстве, о сближении с другими.

Не просто принять его! Не просто делиться с кем-то. Любить кого-то. Отдавать кому-то!..

Но если вдруг мы замечаем его, Аврама, в себе – с этого момента начинается другая жизнь.

Книга первая. Начало

Звезды говорят

Верховный жрец Биш – «левая рука» царя Нимрода, не хотел бы сейчас встречаться с царем.

Скользкой походкой он шел по коридору, ведущему в царские покои.

Охранники опускали перед ним глаза, чтобы он не сжег их взглядом.

В конце коридора Биш приоткрыл тяжелую дверь из драгоценного кедрового дерева и с дрожью в голосе произнес:

– Дурные вести, великий царь.

И запнулся.

Наконечник стрелы был направлен ему в лоб.

– Говори! – произнес Нимрод. Огромный лук в его руке изогнулся.

– Звезды предсказывают..., – Биш с трудом ворочал языком. – Они... предсказывают... что в твоём царстве родится мальчик, который будет отрицать... твою божественность.

Нимрод отпустил тетиву. Стрела понеслась к цели.

Но вдруг она изменила направление и вонзилась в потолок.

– Я бы выслушал его до конца, великий царь, – слышал-

ся тихий голос. В глубокой нише справа от трона стоял высокий человек лет тридцати, но совершенно седой.

– Когда он родится? – резко спросил Нимрод.

– До 30-го захода солнца. У нас есть 29 дней.

– Какие меры ты предпринимаешь, чтобы он не родился?

– Всех рожениц мы собрали в одном месте и отбираем новорожденных.

В живых должны остаться только девочки.

– Что скажешь, Терах? – спросил Нимрод седого.

– Моя жена беременна, – ответил Терах.

Кривая улыбка коснулась лица Биша и тут же исчезла.

– Но она должна родить через два месяца, – сказал Терах, – а здесь все закончится раньше.

– А если бы тебе пришлось пожертвовать сыном? – взгляд Нимрода теперь остановился на нем. – Пожертвовал бы?!

– Но он родится через два месяца, – холодно повторил Терах.

– Отвечай, как думаешь, – отрезал Нимрод.

– Есть только один царь, великий царь Нимрод, – Терах не отвел взгляда. – Его слово – слово бога.

– Значит, ты отдал бы своего сына?

– Да.

– Ну, что ж... это хорошо... Ты снова подтвердил свою преданность, мой Терах. Я проголодался. Действуйте! – бросил царь и вышел.

Из темноты проявилось уродливое лицо палача Сиюты.

Он бесшумно проследовал за своим хозяином. Немой убийца, который сам себе отрезал язык из преданности повелителю, обернулся у двери... и плюнул под ноги Тераху.

* * *

В тот день был издан жестокий приказ.

И тут же во все концы страны поскакали глашатаи.

Приказ был зачитан на площадях и принят вавилонянами.

Никто не смел сопротивляться богу Нимроду.

Роженицы, чей срок подходил, сами шли в родильные дома. Или их приводили мужья.

За месяц в стране не остался в живых ни один новорожденный мальчик.

Башня до небес

Зато за этот месяц еще на восемьдесят локтей выросла великая башня – гордость царя Нимрода и всей страны.

В центре Вавилона на главной площади, рядом с храмом Эсагила, посвященным богу Мардуку – создателю мира, победившему страшное чудовище Тиамат, строилась она – башня, устремленная в небо.

Она поднималась, доказывая всем: нас не взять голыми руками.

Башня должна соединить небо с землей.

Все знали – так и будет.

Однажды, пять месяцев назад, царь Нимрод собрал весь народ за стенами города, в Великой долине на берегу Евфрата.

Он гарцевал на коне перед простершейся ниц огромной толпой.

Нимрод говорил, и его слова передавали глашатаи дальше и дальше, чтобы все слышали, даже глухие.

Он сказал:

– Народ, я позвал вас сюда, чтобы спросить. Кто вы?! Послушные овцы, которые не знают, когда им перережут глотку? Или вы сами хотите решать свою судьбу?

Царь умолк, окинув взглядом море голов. И тут же из толпы раздался вопль:

– Сами! Мы хотим сами решать свою судьбу!

– Сами-и-и-и, – подхватил народ.

Нимрод кивнул. Он не сомневался в ответе.

– Тогда, – продолжил он, – мы должны построить башню.

– Башню-у-у-у! – выдохнул кто-то.

– Башню до небес! – закончил Нимрод.

– У-у-у-у-у! – застонала толпа.

Нимрод посмотрел на небо, оскалился и произнес:

– Ты не сможешь нас больше потопом! – он поднял руку, грозя небесам. – Мы не безропотные овцы, с которыми ты можешь делать, что захочешь. Мы хозяева своей жизни.

– Башню-у-у-у! – повторила толпа и завывала, требуя. – Мы строим башню!

Башню до небес!..

Нимрод долго не останавливал этого воя.

Народ не разочаровал его.

Он был безгранично предан своему царю.

– Боги должны ответить нам за смерть наших прадедов! – выкрикнул Нимрод. – Эй, боги!!! За что вы уничтожили их в водах потопа?!

Толпа замерла. Люди ожидали, что будет дальше. Кто победит в этой битве?

Нимрод улыбался.

Небеса молчали.

На глазах у всех рождался новый бог.

Близкий. Которого, наконец, можно увидеть.

Бог Нимрод.

Кто-то первый закричал:

– Слава богу Нимроду!

Потом подхватил один голос, не твердый, за ним второй – окрепший.

И, наконец, весь народ от края до края начал скандировать:

– Слава богу Нимроду!.. Слава богу Нимроду!..

Нимрод повел рукой, и снова все стихли разом.

– Властью своей, – произнес Нимрод, – властью бога на земле... я назначаю...

Он взглянул направо.

Там, преданно глядя на него, вытянувшись по струнке, замерли жрец Биш и первый министр Терах.

– ...главным...

Жрец моргнул, выдавая волнение.

– ...кому будет повиноваться Вавилон...

Биш ведь так хотел этого. Все на свете он готов был отдать, только бы услышать сейчас свое имя.

Царь произнес:

– Главным я назначаю Тераха.

Побелели от ненависти глаза Биша.

Вспыхнул пожар в его груди.

А народу что?! Народ завопил:

– Терах! Терах!..

И Терах ответил:

– Благодарю тебя, великий Нимрод! От имени народа заявляю: мы построим башню до небес! Это будет подарок тебе от преданного Вавилона. И тогда никакой потоп не возьмет нас.

Нимрод протянул руку к Тераху.

Тот приблизился и поцеловал ее.

В этот день был праздник, который длился всю ночь.

Только Биш не пришел.

* * *

Это случилось пять месяцев назад.

Решение было принято. И тут же все, кто мог держать в руках тележку, молот, молоток, камень, палку, палочку, тростинку, каждый, кто мог двигаться хоть немного, сильный и слабый, малый и старый, – все, как один, приступили к строительству башни.

Ими двигала безумная вера.

Их энтузиазм не нуждался в вожжах.

Не просто было Тераху овладеть этой стихией.

Оседлать горячего коня, не охладив его пыла.

Месяц он не выходил со стройки.

Сутками не спал.

Были назначены бригадиры, десятники, сотники, тысячники, десятитысячники.

Через месяц не стало камня, привезенного из дальних

мест.

Страна ведь была построена на голой равнине.

А гряда гор, окружающих столицу, оказалась фикцией.

Камень дробился, превращаясь в песок.

Он не мог лечь в основу башни.

Стройка могла остановиться.

А голова Тераха – свалиться с плеч.

Нимрод не хотел и слышать об отсрочке в строительстве.

Точил свой топор палач Сиюта.

Еще неделю собирали камень по всей округе.

Через неделю и он закончился.

И когда оставалось только молиться, кто-то тихо прошептал: «Боги-то против... нехорошо мы обошлись с нашими богами».

И пошел по народу слух.

Гений Шелах

Именно тогда снова проявил себя молодой рыжий Шелах – гениальный архитектор Вавилонской башни.

Это он нарисовал башню, какой она должна быть.

Рассчитал опорные сооружения.

Определил, сколько материала и людей потребуется, с какой скоростью должны проводиться работы, чтобы достичь небес через пятьдесят лет. Это он в первые дни метался радостный и почитаемый всеми.

При виде его кричали:

– Это он! Он! Шелах! У него такая голова!.. У-а-ах, какая у него голова! Мы хотим, чтобы и наши дети были такими же умными, как он!

Это он, двадцатипятилетний Шелах, предположил, что должно быть горное плато под землей. И из него получатся крепкие камни для башни. Он даже вычислил, где оно находится.

Начали рыть.

И действительно, на глубине 120 локтей натолкнулись на каменистую породу. Крепкую. Подходящую.

Это была новая победа над небесами.

Народ снова поверил в свои силы.

Разрыли карьер, и стройка возобновилась.

Но ненадолго.

Через пару месяцев Тераху сообщили, что плато заканчивается.

Его осталось не более, чем на сорок дней.

Было решено держать это в тайне, не сообщать никому.

А Шелаху приказано найти выход.

Шелах искал. И не находил его.

Теперь уже у самого Тераха зародилось сомнение: может быть, действительно боги не хотят этого?

...В тот день он шел по стройке задумчивый.

За ним бежали слуги и начальники.

От облепивших башню людей не было видно самой башни.

Все превратилось в гигантский муравейник.

Мимо проходили люди, кланялись Тераху.

На лицах их была радость.

Тележечники не шли, а бежали.

Подъемники не поднимались, а взлетали.

В карьере все стонало, ухало, там добывали последние камни.

О том, что они последние, даже Терах боялся думать.

Камни тут же обтесывали и переваливали на тележки.

Люди не уходили домой.

Они не знали усталости.

Великая идея построить башню до небес стучала в их сердцах.

Терах спустился в карьер.

И понял – вот оно, начинается.

Огромные очереди тележечников роптали перед выбившимися из сил камнетесами.

Терах услышал крики и увидел Шелаха.

Тот был как всегда всклокочен и неопрятен. Он давно уже не обращал внимания на свою внешность.

Бледный, не спавший много ночей Шелах стоял, опустив руки от усталости и унижения.

Тележечники кричали ему в лицо:

– Мы не должны ждать ни секунды! Мы не отдыхать пришли сюда! Где твои хваленые мозги, Шелах?!..

Прошло только три месяца, и куда подевалось преклонение перед гением Шелаха?!

– Что я могу сделать?! – он устало разводил руками. – Камнетесы работают, не отдыхая! По расчетам...

– Плевали мы на твои расчеты! Тележки должны наполняться сразу!

– Придумай что-то! – кричали люди. – Это ты изобретатель, а не мы!

– Да какой он изобретатель! – послышался визг из толпы. – Он никто и ничто!

– Дать ему по голове, – подхватил другой голос, – чтобы мозги повылетали!

Брань неслась отовсюду.

Люди сжимали кольцо вокруг Шелаха.

Люди требовали работу.

И они были правы.

Терах приблизился.

Тележечники не заметили его.

– Что здесь происходит? – спросил Терах, хотя ему и так все было ясно.

Сначала толпа смолкла, его боялись и уважали.

Потом один из кричащих, самый почтенный бригадир, сказал:

– Великий Терах, мы простаиваем здесь часами. Пока они рубят плато, пока разбивают камни и нагружают нас, проходит столько времени!

– Это он виноват во всем! – крикнул молодой тележечник и почти ткнул рукой в грудь Шелаха.

Шелах поднял голову и посмотрел в глаза Тераху.

– Я не знаю, что делать. Думаю, но не могу ничего придумать, – произнес он тихо и развел руками.

– Ты не хочешь! – крикнул кто-то. – А, может, ты умышленно не хочешь?!

– Я измучился, – прошептал Шелах.

– Давай нам работу! – молодой тележечник толкнул его так, что Шелах упал.

Но это не вызвало ни у кого сострадания.

– Мы строим башню для всего народа! – произнес пожилой бригадир. – И не можем зависеть от одного такого.

Он указал пальцем на Шелаха и пнул его.

Шелах размазывал слезы грязными руками.

Взгляды всех были устремлены на Тераха.

Терах молчал.

– Но я не знаю, я измучился, я не знаю, как сделать, – снова и снова повторял Шелах, обращаясь к Тераху.

– Его надо отдать палачу Нимрода, – слышался вдруг тихий голос за спинами тележечников.

Толпа расступилась.

За ней стоял Биш. Он улыбался.

Только улыбка у него была зловещая.

– Да-да, – сказал он. – Ведь Шелах – главный изобретатель, а не может придумать. Ну, как же так?.. Нехорошо.

Шелах, побледневший от страха, смотрел на Биша.

– Люди должны работать непрерывно, так сказал великий Нимрод. А они простаивают. И виноват в этом вот этот человечиска...

Биш посмотрел на Шелаха так, что тот задрожал и попытался прикрыться рукой от взгляда жреца.

– Принимай решение, Терах, – сказал Биш. – Ведь это ты руководишь стройкой, а не я!

Теперь он перевел взгляд на Тераха.

И все повернулись к нему.

И Шелах, упавший на землю, тоже смотрел на Тераха.

Терах долго молчал.

– Принимай решение, – настаивал Биш. – Его надо казнить, чтобы другим неповадно было. Всех их, – он небрежно кивнул на толпу, – бросить на рубку камня, а тем временем

подобрать другого человека. У меня есть на примете один умный вавилонянин.

Терах вдруг сделал шаг и подал руку Шелаху.

Он помог ему встать.

Шелах еле держался на ногах.

– Сколько ты спал в последнее время? – спросил Терах.

– Я не спал уже давно, – еле слышно ответил Шелах. – Все пытался найти выход... и не мог...

Терах повернулся к одному из своих помощников, при- тихших за его спиной и приказал: «Накормить его, уложить спать и не трогать три дня». У того вытянулось лицо.

– Исполни! – приказал Терах. И бесстрашно посмотрел на Биша.

– Я не хотел бы видеть тебя на стройке, – сказал Терах. – Ты пугаешь людей. Они перестают работать.

Биш выпрямился.

Все, затаив дыхание, следили за этим поединком.

– Ну, что ж, – выговорил Биш после долгой паузы. – Ты здесь хозяин... пока...

Повернулся и быстро пошел прочь.

Послышался тихий стон, – это Шелах обмяк в руках по- мощника.

– Всем продолжать работу! – проговорил Терах отрыви- сто. – Помочь камнетесам. Не стоять! Думать о цели! О ве- ликой башне, которую мы строим! Никто не остановит нас! Никто!

– Никто-о-о! – взывала толпа.

И люди бросились помогать камнетесам.

Сам Терах закатал рукава.

Он подхватил огромный молот и начал крушить им породу.

Словно и не знал, что рубятся остатки камня. И скоро все остановится.

Он был смел и мудр, Терах, поэтому и слыл великим начальником.

Мы победили богов!

Тем временем изобретателя Шелаха привели в царские бани.

Он еще не мог справиться с дрожью. И не мог поверить. Что ему дали три дня на отдых.

Да Шелах и не хотел отдыхать.

Он боялся, что пройдут три дня, а он ничего не придумает.

Голова отказывалась работать. А ведь она никогда не подводила его.

Благовония и масла не помогли.

Горячая вода не расслабила его.

Огромный бассейн, который он сам и проектировал, наоборот, прибавил тревоги. «Мне дают все и думают, что я что-то придумаю. А я не смогу, – думал Шелах, охваченный паникой. – И тогда падет голова Тераха».

Нет, сам он не боялся Биша, не боялся и Сиюту – палача Нимрода.

Он боялся себя. Только себя! Не соответствует он великим чаяниям народа, надеждам их. Подводит он любимого Тераха и приносит огорчение он богу Нимроду.

А если так, то уж лучше не жить.

Его лихорадочные мысли прервал Сапир – пожилой слуга Тераха, охотник, помощник, повар, до бесконечности пре-

данный своему хозяину. Все это знали.

Он появился неожиданно, присел перед Шелахом и спросил:

– Не спишь, Шелах?

– Не могу, – ответил тот.

– Выпей, – Сапир протянул ему глиняную чашу с дымящейся жидкостью. Шелах замешкался.

– Не бойся, это Терах прислал тебе. Я сам собирал эти травы в Великой долине.

Шелах взял чашу и послушно выпил.

И тут же, вздрогнув, откинул голову назад.

Глаза его закатились...

Он провалился в небытие.

Так, с открытыми глазами, он пролежал три дня.

Дыхание его остановилось.

Да, все были уверены, что он умер.

Но говорить об этом боялись.

Думали про себя, что так должно было случиться, ведь не оправдал он доверия, этот Шелах.

А зачем тогда брал на себя так много?

Было приказано перенести его тело на ложе. И не трогать три дня.

Через три дня Шелах очнулся.

Он не помнил ничего.

Голова была свежа, как никогда.

Перед ним на столе лежали таблички из мягкой еще глины

и острые палочки.

Шелах вскочил со своего ложа и начал быстро что-то рисовать.

Все, что происходило дальше, летописцы назвали чудом.

В течение трех дней на площади выросло гигантское сооружение, сложенное из каменных плит, в центре его было отверстие, похожее на пасть. Оно строилось под руководством Шелаха.

Он снова не спал, готовил нечто новое и необычное.

Сюда везли глину со всей страны.

Никто не понимал, для чего это надо.

Но за Шелахом стоял Терах.

Люди видели – Терах верит в это безумие.

И они поверили тоже.

И вот однажды утром собрали всех.

Перед толпой металась рыжая шевелюра Шелаха.

За его спиной дымило уродливое сооружение, из пасти которого вырывался огонь.

– Начинай! – скомандовал Терах.

– Это печь! – закричал Шелах так, чтобы слышали все. –

Она печет камни.

Я назвал их кирпичи.

Он быстро подскочил к печи и потянул на себя две затворки.

Тут же из огненного чрева вывалилась груда кирпичей.

Народ зашумел...

– Я придумал, как их лепить и обжигать. Все просто!

– Но достаточно ли они крепки? – спросил Терах.

И Шелах провел испытание, от которого все лишились дара речи.

Он сложил кирпичи вместе, в пять слоев, скрепил их какой-то вязкой массой и закричал:

– Когда я скажу, встаньте на эту стену. Все-все вставайте!

Через десять минут толпа взгромоздилась на стену. Не без опасения, но ведь было интересно.

Стена не шелохнулась.

Позвали самых толстых, стена и не вздрогнула.

Тогда ударились в нее телами.

Но прочная кирпичная стена словно смеялась над ними.

И Шелах смеялся. А, может, плакал от усталости, ведь он снова не спал три дня и три ночи.

С тревогой он заглядывал в глаза Тераха...

Ждал слов одобрения.

– Молодец, – сказал Терах. – Мы снова победили богов.

И вот тогда Шелах заплакал.

Вдруг опустился на землю и заплакал, не стесняясь, размазывая по грязным щекам слезы.

Только теперь все поняли, что произошло чудо.

И заорали, потрясая кулаками:

– Мы победили! Мы победили богов! Вот так-то будет лучше, боги! – Народ вопил, бросая взгляды на летящие облака. – Мы покажем вам, как нас топить! Теперь мы будем

править! Великий Нимрод и великий народ! – Сегодня в честь праздника я отпускаю вас домой, к вашим семьям! – сказал Терах.

И они ответили ему в один голос:

– Мы не хотим идти домой, что нам там делать?!

Хитрый Терах, он знал, что они так ответят.

Вот после этого-то и началось.

Кирпичи выпекались будто сами собой.

Печи выплевывали их несметное количество прямо в тележки. Тележечники ждали, весело приплясывая.

А потом неслись к башне, нагруженные доверху, но счастливые.

Башня росла не по дням, не по часам, а по минутам.

На нее вели две широкие лестницы, одна – с восточной, другая – с западной стороны.

Та, что была с востока, использовалась для подъема грузов, а та, что с запада, – для спуска людей.

Рассказывают, что строители были настолько одержимы своим желанием закончить башню, что, когда по неосторожности кирпич падал вниз и раскалывался, они причитали: «Трудно будет заменить его». Однако если человек срывался вниз и разбивался насмерть, никто не обращал внимания.

Великая идея затмевала разум.

Предчувствие великой победы грело сердца.

Победы над богами. Где такое видано?!

Родиться, чтобы умереть?

За время строительства башни произошло еще одно событие, которое круто повернуло жизнь Тераха и его семьи.

Месячный срок, названный предсказателями, уже подходил к концу.

По всем признакам Амталей – жене Тераха оставался еще месяц до рождения ребенка.

Она уже радовалась, что смогла выносить его и не попасть под жестокий закон Нимрода.

Что родиться мальчик, она знала точно.

По тому, как он разговаривал с ней.

Как толкался в ее животе, никогда не причиняя боли.

Уже истекал принятый законом срок.

Нужно было продержаться еще один день...

Как вдруг она почувствовала, что ребенок зашевелился в ней.

Не так, как прежде, по-другому.

Амталей проснулась в ужасе.

Мужа не было рядом.

Мальчик говорил с ней.

Она понимала его знаки.

Он решил выходить.

Спускался ниже и ниже.

– Только не сегодня! – подумала она. – Нет! Нет!..

Амталей смотрела на свой живот.

Ее долгожданный мальчик, вымоленный у богов, не мог, не должен был родиться сегодня!

Она гладила живот и уговаривала своего ребенка:

– Ну, я прошу тебя, долгожданный мой, полежи спокойно. Любимый мой, выдержи еще два дня. Только два дня и две ночи, и тогда я обниму тебя, мой сын, моя радость, моя жизнь...

Но он не слушал ее.

Он рвался наружу.

Так, за день до истечения срока ужасного закона, у Амталей начались предродовые схватки.

– Терах! – в ужасе закричала она, хотя знала, что Тераха нет. Он днями и ночами пропадал на строительстве башни. – Терах, что мне делать!?! Как же ты нужен мне сейчас, муж мой!

И словно услышал Терах ее молитву.

Распахнулась дверь, и он вошел.

Спокойный, мужественный, любимый.

– Ты здесь, мой Терах! – воскликнула она. И виновато простонала. – Я не могу удержать его!

– Не волнуйся, я знал, что он родится раньше, – успокоил ее Терах.

Он подошел к жене.

Амталей умоляюще смотрела на него: «Мой великий муж, останови его!».

– Не могу, – сказал он. – Боги решают, не мы.

Она заглядывала ему в глаза.

Он обнял ее.

– Я не отдам его! – с трудом выговорила, преодолевая боль. – Не отдам никому!

– Я знал, что ты так скажешь, – произнес Терах.

– Мы ведь так долго его ждали, Терах?! – простонала она.

– Да. Не вовремя он рождается.

– Но мы ведь не отдадим его?!

Она вдруг отстранилась и с ужасом посмотрела на Тераха.

– Царь Нимрод... – начал было Терах.

– Я не отдам его никому! – произнесла Амталей. – Ни-ко-му!

Сейчас она была похожа на волчицу, прикрывающую телом своего единственного волчонка.

Глаза ее метали молнии.

Зубами она была готова вцепиться в любого, кто посмеет приблизиться к ее еще не родившемуся ребенку.

Но внезапно тело ее содрогнулось, с губ сорвался крик: «Не-ет!»

Амталей посмотрела вниз.

Начали отходить воды.

– Не волнуйся, любимая, царь Нимрод не получит его, – произнес Терах.

И она посмотрела на мужа с такой любовью! С такой любовью, что отступила боль.

Да, она улыбалась ему, благодарная и уверенная, что так и будет.

Она знала: ее великий Терах не нарушит слова.

– Я отослал слуг, – сказал он. – Буду сам принимать роды.

– Откуда ты узнал, что это произойдет сегодня?! – удивилась она.

– Я умею читать по звездам не хуже великого жреца.

Терах с нежностью смотрел на жену.

– Нам надо поторопиться, любимая, – он взял ее за руку.

Месть жреца

По длинному коридору дворца снова бежал жрец Биш.

И снова в испуге охранники отводили взгляды.

И вот уже приблизилась дверь в покои царя.

И снова Биш остановился перед ней и прошептал:

– Дурные вести, великий царь Нимрод.

Осторожно толкнул дверь и сразу же с порога повторил:

– Я принес тебе дурные вести, великий царь.

И не прерываясь, добавил:

– Над домом Тераха поднялась звезда.

Нимрод держал в руке дымящийся кубок.

Он даже не взглянул на Биша.

Всегда, заходя в покои царя, жрец был готов к тому, что может не выйти отсюда. Что его может обезглавить палач Си-юта или пригвоздить стрелой к стене сам Нимрод.

Но Биш сам выбрал свою судьбу.

Он сам захотел стать приближенным к царю.

А значит, готов был умереть в любое мгновение.

Нет, Биш не жалел ни о чем.

– Звезда мечется по небесной тверди, – произнес он. – Она уже поглотила четыре звезды на востоке, севере, западе и юге.

– Что это значит? – спросил Нимрод.

– Что в доме Тераха родился мальчик... – отрезал Биш.

Нимрод повернулся к нему всем телом.

– ...который завоюет твое царство! – закончил жрец.

Дрогнули губы Нимрода.

– Но ведь он должен был родиться только через месяц?

Нимрод в упор смотрел на жреца.

– Боги захотели, чтобы он родился сегодня, – ответил

Биш.

– Ты знал об этом раньше? – спросил Нимрод.

– Догадывался.

– И не сказал ему ничего? – усмехнулся Нимрод.

– Я хотел, чтобы для него это было сюрпризом, – зловеще

ответил жрец.

Нимрод поднялся и, не глядя на Биша, пошел вглубь зала.

Он размышлял вслух.

– Ты хочешь сказать мне, что Терах, самый преданный мой слуга, мой первый министр, не подчинился моему приказу? – слышался его тихий голос.

– Пока никто не выходил из его дома, – ответил Биш. –

Мои шпионы вот уже сутки караулят там. Никто не выходил, никто не привозил повитух. Как будто бы никто там и не родился.

– Но, может быть, никто и не родился? – Нимрод остановился и взглянул на Биша.

– Родился! – ответил Биш.

Нимрод поднял руку, и палец в перстнях уперся в лицо Биша.

Тут же из темноты выплыл палач Сиюта.

Он всегда был начеку.

– Поезжай туда сам, – приказал Нимрод жрецу. – Все проверь, и, если подтвердится, прикажи от моего имени передать ребенка в родильный дом. Скажи Тераху, что я чту его больше всех, даже больше тебя.

Жрец опустил глаза, чтобы не увидел царь, как в них за-
сверкали желтые огни ненависти.

– Можешь передать ему от меня этот кубок.

Нимрод кивнул палачу странным кивком.

Протянул руку с кубком.

И тут же Сиюта наполнил его багровым вином из кувшина, стоящего под столом.

– Это кубок царя, – произнес Нимрод. – В нем яд. Или он выпьет и умрет, бедный Терах. Или выплеснет яд на землю, верный Терах... Ему решать. Так передай.

Кубок с ядом

Биш прибыл к дому Тераха в сопровождении десяти всадников.

На стук ему не открыли, а стучал он долго.

Подозрительная тишина поражала.

Ни звука, ни дыхания, ни шороха...

Слух у Биша был адский.

Он слышал даже, как песчинка скатывается по крыше дома. Как раскрывается цветок навстречу утру и лепестки его касаются один другого.

А тут – тишина.

Ни звука.

– Скрывают, – подумал Биш. – Значит, есть, что скрывать. К башне! – приказал он всадникам.

И они развернули коней.

Вавилонская башня была обнесена факелами, работы не прекращались и ночью.

Люди не ходили, а бегали по лестницам.

Их рты разрывали улыбки.

Движение казалось хаотичным, но на самом деле тут соблюдался жесткий порядок.

В этом муравейнике каждый знал свое место.

Это Терах так поставил дело. Умница!

Сейчас он стоял на возвышении, откуда было видно все.

Глаз привычно отмечал все детали.

Вот задерживаются на восточной стене, там у бригадира мысли не на месте, влюбился. Надо сменить его.

И третья печь отстаёт, отсюда видна очередь в три тележечника. Два дня, как кочегар перестал насвистывать свою песню. Что за мысли у него? Надо проверить.

И тут Терах краем глаза увидел всадников.

Они направлялись в его сторону.

Впереди скакал Биш.

Терах сразу понял, что по его душу.

Спокойно ждал и жилка не дрогнула на лице.

Биш спешился.

Подошел.

– Куда ты спрятал ребенка? – спросил сразу, без приветствия. Чувствовал свою силу.

– Увы, он умер у меня на руках, – ответил Терах.

– Какое горе, – сказал жрец. – Где вы похоронили его?

– Ветер развеял пепел.

– Ага, – произнес Биш и поднял руку.

В его руке сверкал кубок, наполненный вином.

– Ты узнаешь этот кубок? – спросил Биш. – В нем яд. Если ребенок родился и остался жив, выпей и умри. Так просил сказать тебе царь Нимрод.

Биш вложил кубок в руку Тераха.

– Ты выпьешь?

– Нет, – ответил Терах. – Я верный слуга Нимрода.

Биш, не отрываясь, смотрел на него.

Неожиданно глаза того начали закатываться.

Дыхание прервалось...

Терах пытался вздохнуть и не мог.

– Не надо обманывать Биша, – медленно произнес жрец. –

Сейчас я скажу тебе «говори», и ты скажешь, где прячешь сына.

Глаза Биша горели.

Его красные зрачки прожигали насквозь.

Рука Тераха, держащая кубок, дрожала.

– Говори! – скомандовал Биш.

Терах хрипел, но не сдавался.

– Говори-и-и! – Биш подался вперед...

– О-о-он, – выдавил Терах.

– Ну?!.. Ну-у-у?!

– О-о-он...

– Где он?!

– У-у-умер, – еле выговорил Терах.

Биш сжал руки в кулаки.

– Врешь!

И вдруг лицо Тераха изменилось.

Он усмехнулся.

– Я вру? – спросил он спокойно. – Я, Терах, первый советник царя, вру?

Биш молчал, пораженный.

Его колдовство не сработало.

– Мой сын умер, – повторил Терах. – Заруби это себе на носу. И знаешь, что? Вон отсюда! Без моего согласия не появляйся больше на стройке. Я уже говорил тебе об этом. Ты пугаешь людей. Это плохо сказывается на их работе.

Биш прикрыл глаза. Невозможно было вынести этого унижения, но он выдержал, повернулся.

– Меня тебе не взять, бездарный жрец! – сказал ему в спину Терах.

– Я отомщу, – прошептал Биш.

Стремительно вскочил на лошадь.

И в мгновение скрылся за углом башни.

Терах вздохнул. Стало понятно, чего стоил ему этот разговор.

Он наклонил кубок, на землю полилось густое, как кровь, вино.

Капля случайно попала на какого-то жучка.

И тот растворился.

Терах оглянулся.

Вокруг не было ни души.

Прошла неделя.

Биш ни на мгновение не отпускал Тераха.

Его шпионы, следящие за домом первого министра, доносили, что в доме царит тишина и траур. Ребенок явно умер.

Несколько раз видели на улице заплаканную Амталей.

Терах, как и раньше, выезжал на стройку утром и возвращался поздно вечером. Грустный и молчаливый.

Так проходили дни.

Пока Биш не снял слезку, поняв, что она уже ни к чему не приведет.

Но это совсем не значило, что коварный жрец поверил Тераху.

Биш никогда и никому не прощал обид.

Мальчик и боги

Вдалеке от людей, за несколько дней пути от столицы, за большим перевалом, в глубине расщелины «Орлиный глаз», между тремя козьими тропами, в пещере мерцал светильник – глиняный сосуд с маслом и фитильком.

Никто не мог заметить его.

Все было хорошо продумано.

Уже несколько лет под присмотром Сапира – верного слуги Тераха, здесь рос мальчик.

О нем никто ничего не знал.

Для всех – он умер при рождении.

С каждым днем мальчик все больше поражал Сапира.

Ему исполнилось всего три года.

Но казалось, что он гораздо старше.

Он уже мог разбирать клинопись, читать, он задавал такие вопросы, на которые у Сапира – простого вавилонянина, не было ответов.

Аврам, так звали мальчика, знал имена всех богов.

Сапир объяснил ему назначение каждого.

И Аврам мгновенно все запомнил.

Фигурки богов стояли в углублении пещеры.

Каждое утро Сапир молился и приносил им дары.

Аврам стоял за его спиной, наблюдал, а иногда и беседовал с ними.

Но боги не отвечали ему.

Сапир дрожал при каждом таком разговоре.

Это не было обычной молитвой.

Аврам засыпал богов вопросами.

И требовал ответа.

Боги молчали.

Аврам спрашивал снова, не отставал, – маленький, упрямый мальчишка!..

Сначала Сапир пытался вмешаться.

Тогда вопросов стало еще больше.

...Пока не наступил новый период в их жизни.

Однажды Аврам перестал задавать вопросы.

Вдруг утром он подошел к Сапиру, постоял за его спиной, посмотрел на богов...

Отошел.

И больше не подходил к ним.

Это испугало Сапира. «Лучше бы он задавал вопросы», – подумал он.

С этого момента Аврам стал возвращаться в пещеру, только чтобы поспать.

Часами блуждал в окрестностях.

Молчал – молчал, смотрел – смотрел. Там посидит на земле, здесь. Полежит в траве, погрызет травинку, вздохнет и снова пойдет бродить... Сапир ходил за ним, как привязанный.

Пытался говорить, не получалось.

Пытался развеселить. Куда там!?

Так прошло несколько дней.

Пока Аврам снова не начал задавать вопросы.

Но не богам.

Сапиру.

И себе.

– Может быть, мне следует поклоняться земле? – вдруг спросил он, когда однажды к вечеру они вошли в заросли диких яблонь.

Потерявший всякую надежду Сапир плелся за Аврамом. Вдруг услышал его вопрос. Радостный, он подскочил к нему.

– Я говорю, может, надо поклоняться земле?! – повторил Аврам, глядя на ветви, усыпанные яблоками. – Мы ведь кормимся ее плодами. Как ты думаешь, Сапир?

– Да-да, земле-земле! – Сапир был счастлив. – Конечно, земле, это же она кормит нас!

– Однако земля не всесильна, – продолжил Аврам после минутного раздумья. – Она зависит от неба, дарующего дождь.

– Верно, она зависит от неба, – подтвердил Сапир.

– Значит, я должен поклоняться небу?

Аврам посмотрел на Сапира. Потом на небо.

– Верно, небу, – ответил Сапир. – Конечно, небу!

– Но небом правит солнце. Благодаря теплу и свету его живет мир.

– Солнце, – соглашался Сапир, уже понимая, что рано ра-

довался. – Солнце правит... да...

– Значит, получается, что оно и есть бог?

– Может быть, пойдем домой, Аврам? Уже поздно. Солнце садится...

– Нет, давай падем ниц перед солнцем?! – предложил Аврам. – Ведь оно бог.

И он встал на колени.

Сапир опустился вслед за ним.

Бог-солнце садилось.

Аврам смотрел на его краешек, исчезающий за верхушками яблоневых деревьев.

Когда солнце зашло, он снова задумался.

Встал с колен и покачал головой.

– Нет, – сказал он и снова привел Сапира в отчаяние. – Нет, Сапир, солнце не может быть богом.

– Почему?! – чуть не плача взмолился тот. – Ну, почему?! Ну, пусть оно будет богом?!

– Да потому что, сам посуди, Сапир, солнце скрылось, взошла луна, и получается, что луна теперь бог. Больше, чем солнце.

Аврам прищурился, разглядывая луну.

– Ты согласен со мной, Сапир? – спросил.

– Согласен, – обреченно повторил Сапир. – Теперь луна – бог. Согласен.

И снова попросил:

– Пойдем домой, маленький Аврам, ну, пойдем, а?.. Ста-

новится холодно. Я боюсь, что ты простудишься.

– Нет, все-таки и луна не может быть богом, – услышал он в ответ.

Уже ближе к ночи они вернулись домой.

Аврам был задумчив, лег и сразу заснул.

Сапир укрыл его оленьей шкурой, подложил под голову мешочек с травами, вздохнул и на коленях подполз к своим божкам.

– Боги, великие боги, – прошептал. – Я обращаюсь ко всем вам, а особенно к тебе, великий бог Мардук. Пожалейте его, этого малыша. Ну разве он знает, что лопочет его язык? Не знает! Чего он там знает в свои три года!.. Поверьте, он любит вас, это правда, сами видите, мальчик он добрый, душевный... Но вот такой любознательный уродился, что поделаешь. А еще, боги, хочу вам сообщить, – Сапир вздохнул и у него заблестели глаза, маленькая слезинка появилась и исчезла, – что я очень к нему привязался. Я так к нему привязался!.. Иногда думаю, что это мой сынок... что я отец его, да.

Сапир пожал плечами и засунул голову глубже в нишу, поближе к богам. – А иной раз, не поверите, я думаю, что это не я, а он мой отец... Да-да, вы слышите, боги? Такой он взрослый иногда. Такой взрослый!..

Пустые небеса

Уже была глубокая ночь.

В пещере трещал огонь. Сапир спал у входа.

Звезды играли на небе, переговаривались.

Луна висела ни на чем.

Вдруг Сапир открыл глаза. Время от времени ночью он просыпался, чтобы убедиться, все ли в порядке. Так было и в этот раз. Но вдруг он не увидел Аврама.

Его не было в постели.

Сапир вскочил в ужасе.

И услышал за своей спиной шепот:

– Вас нет.

Маленький Аврам сидел на камне перед пещерой:

– Нет!..

Сапир приблизился к мальчику на цыпочках и накрыл его плечи шкурой.

– Уже холодно, Аврам, пойдем к костру.

Аврам положил голову ему на колени.

И Сапир увидел грустные глаза своего воспитанника.

– Что? – испуганно спросил он. – Что случилось, мой мальчик?!

– Все, что я вижу, это не то, что есть, – промолвил Аврам.

– Ой-ей-ей, – простонал Сапир. – Знаешь что, сынок? Ты лучше, вон, подойди к богам, и поговори с ними. Мне это

всегда помогает.

– Я не могу смотреть на этих богов... – прошептал Аврам. – Потому что... их нет.

Сапир отшатнулся: «Что ты говоришь такое, Аврам?!»

Сапир испуганно вобрал голову в плечи.

Ему казалось, что прямо сейчас развернется небо, сверкнет молния и не станет Аврама.

Но прошла минута. Небо не разверзлось.

Тогда Сапир подскочил к Авраму, засуетился вокруг него.

– Мальчик мой, не пугай меня. Я отвечаю за тебя перед твоим великим отцом. Ну, приснилось тебе что-то.

– Ему что-то там приснилось! – объяснил Сапир, обернувшись в сторону божков. – Да! Приснилось! С кем не бывает? Вы на него не сердитесь, он еще совсем малыш!

Аврам смотрел вверх, на черное небо.

Там перемигивались звезды.

– Кто-то говорит сейчас со мной... – сказал Аврам.

– Что?!

– Я просто не знаю его языка.

– Ой-ей-ей...

– Может быть, действительно, это бог... Он все время говорит с нами, а мы не слышим. Но он так хочет, чтобы мы его слышали.

Сапир чуть не рыдал от отчаяния.

У него было ощущение, что надо спасти мальчика.

Вероятно, от этого одиночества он начал терять рассудок.

– Только не думай, что я сошел с ума, – вдруг услышал он голос Аврама. Тот смотрел на старика своим открытым и теплым взглядом.

– Пойдем спать, Сапир, – сказал. – Только обещай, что поднимешь меня очень рано. Мне надо проверить одну догадку... Обещаешь?!

– Конечно! – сразу же согласился Сапир.

Он был счастлив закончить наконец-то эти мучения, эту ночь.

Он так надеялся, что утром Аврам все забудет.

Но рано утром Аврам вскочил чуть свет.

Сам, без помощи Сапира.

И выбежал из пещеры.

Рождение Звезды

В этот день Сапир, не понимая ничего, как хвост ходил за Аврамом.

Мальчик был полон восторгов и новых открытий.

Сначала он пролежал перед муравейником, не шевелясь, час, а, может быть, и больше.

Он наблюдал за тем, как муравьи дружно начали свой трудовой день.

С восходом солнца отвалили тростиночки и камешки, закрывающие вход в муравейник и двинулись по проложенной тропинке к полю, не обгоняя друг друга, не споря, подчиняясь внутреннему очень четкому распорядку.

Потом Аврам наблюдал за тем, как дикий нарцисс выпрямлялся навстречу солнцу.

Над цветком прожужжала оса. Сделала два круга и приземлилась точно в желтую сердцевинку.

Оса привела их к гнезду, прилепленному к стволу дерева.

Сапир не дал Авраму приблизиться туда.

Осы шумели, взбудораженные пришельцами.

Здесь тоже чувствовался порядок, подчинение, иерархия, — ясно, кто главный, кто нет. Осы вылетели, как по команде, небольшой кучкой и, пронесаясь над головами Аврама и Сапира, исчезли за высокой травой. Приближался полдень.

Аврам не уставал.

Сапир почти насильно заставил его выпить воды из ручья и практически впихнул ему в рот лепешку.

Это был день открытий.

До вечера они не возвращались в пещеру.

Все вызывало восторг у Аврама.

Когда солнце двинулось к закату, он вдруг замер, подняв голову к небу.

Потом лег в траву.

Сапир рядом.

Над ними летели облака.

Ветер гнал их.

Солнце медленно опускалось.

Вдруг проявилась луна.

Две звезды зажглись рядом...

Сапир, стараясь не отвлекать Аврама, подстелил под него оленью шкуру.

Становилось прохладно.

Аврам наблюдал за звездами.

А они, казалось, наблюдали за ним.

Когда одна из звезд сорвалась и полетела вниз, Аврам вздохнул.

Вздох получился такой свободный, такой простой, словно наконец-то пришел покой.

Аврам повернулся.

«Какое необыкновенное лицо у него!» – подумал Сапир.

Оно действительно было просветленным.

Спокойное. Без тревоги, которая в последние дни не покидала Аврама.

Аврам улыбнулся.

Сапир в ответ тоже.

– Это и есть бог, – сказал Аврам.

– Где бог?! Что бог?! – испугался Сапир.

– Я просто сказал, – как хорошо! – вздохнул Аврам.

– Очень, – подхватил Сапир.

– И как все связано!

– Еще как! – воскликнул Сапир.

– Небо с землей, солнце с цветком.

– Еще как! Еще как!

– Жучок с травинкой, оса с осой.

– Ого! Ого! – торжествовал Сапир. – Ты прав! Ты прав!

– Холод и тепло, пылинка и крыло бабочки, луна и вой волка, муравей и упавший стебелек...

– Как красиво ты все говоришь, – вздохнул Сапир. – Можно заслушаться!

Аврам замолчал.

Сапир боялся тревожить мысли мальчика.

Аврам смотрел покойным-покойным взглядом впереди себя.

И Сапир не шевелился. Вдруг тут рождается стих. Или песня.

Иди, знай, может он поэт, Аврам, он ведь такой талантливый!

Сапир не мог знать, что именно в это мгновение рождалась та самая Звезда, которая осветит жизнь поколений на долгие века.

Да что на века?!

Навсегда!

Он не знал, что рождался сейчас праотец всех народов.

Но и Аврам не знал этого.

Просто он услышал тишину.

И в этой тишине было столько покоя, красоты, вечности...

Что у него остановилось дыхание.

Вдруг все исчезло.

Бесконечное, чистое пространство коснулось сердца Аврама.

Спроси его сейчас, что он чувствует, он не смог бы объяснить.

Просто не стало ничего.

Ни тел, ни камней, ни цветов.

Оно не пугало – это пространство. Напротив, успокаивало.

Хотелось быть здесь вечно.

Внутри этой тишины.

Он не знал, сколько прошло времени.

Вдруг спросил:

– Сапир, есть и другие животные, правда? И жучки? И птицы?.. Ведь я не все видел?

Сапир даже присел:

– Да ты ничего не видел! Что ты видел, мой мальчик?! Тут столько всего!..

Тут... Ого!.. Тут, знаешь...

Аврам подсел поближе к Сапиру.

– Тут знаешь, сколько всего?! Что ты видел на самом деле?!

– А что я не видел?

Сапир даже задохнулся от чувств.

– Ничего ты не видел! Гнезда орлов, там, в расщелине, ты видел? А как старый тигр-альбинос выслеживает горного барана, видел? А как жучки-богомолы скатывают себе постельку из стеблей одуванчиков? И как после дождя прорываются белые грибы? Как поет дикая рысь, глядя на луну? Как... как... ой!.. Ты многого еще не видел, Аврам!

– Покажешь?! – Аврам прильнул к старику.

– Тебе – все покажу, – ответил Сапир.

– Сейчас!

– Нет, сейчас уже поздно. Завтра. Завтра мы пойдем с тобой за перевал. Только обещай, что будешь меня слушаться! – Сапир строго приподнял палец. – Иначе...

– Буду-буду! – быстро проговорил Аврам. – Буду делать все, что скажешь.

– Завтра двинемся с тобой к горному озеру. Хочешь?

– Очень, – прошептал мальчик.

– Я покажу тебе такое... Мало кто видел это, – сказал Сапир. – Но завтра. А сегодня ты поешь и спать. Договорились?

Я подниму тебя, когда будет уходить ночь.

Сапир повернулся и пошел к пещере.

За ним бежал Аврам. То и дело восторженно спрашивал о чем-то, и Сапир, не торопясь, отвечал. Он был счастлив, что хоть в чем-то мог стать знатоком для Аврама.

«И малое дитя поведет их...»

Еще была ночь, когда они встали.

Аврам был послушен, как никогда.

Сапир деловит.

Вышли, когда восток только загорелся.

По дороге через ущелье Сапир разошелся.

Видя, как распахнуты от восторга глаза Аврама, он объяснял и показывал все.

А знал он много, знаменитый следопыт Сапир.

Увидели, как орлица кормит своих ненасытных птенцов.

Они с Аврамом подобрались к самому краю расщелины.

Очень близко к гнезду.

Сапир привязал Аврама веревкой к себе.

Аврам был в восторге!

Проследили, как тигр-альбинос выходит на охоту. Неслышно переступая огромными лапами.

Потом замерли, наблюдая, как прорывается сквозь скалы тонкий росток. И нет земли здесь, и нет воды, но непонятная сила толкает его родиться и жить.

Привалы делали только потому, что Сапир волновался за Аврама.

Но мальчик не уставал. Он просил и умолял быстрее двигаться дальше.

Они шли и шли, то поднимаясь в горы, то спускаясь к зе-

ленным лугам.

Ближе к вечеру вышли на узкую тропинку.

Она вилась между острыми скалами.

Первым двинулся Сапир.

Аврам был привязан к нему веревкой.

Тропинка резко повернула за скалу.

Сапир шел по ней.

И вдруг остановился.

И отступил.

И вытянул назад руку, останавливая Аврама.

Из-за скалы появилась сначала огромная волосатая лапа.

А за ней оскаленная пасть горного медведя.

Шерсть его шевелилась.

Красные глазки уставились на пришельцев.

И он зарычал, будто спрашивая на своем, на медвежьем:
кто вы такие?!

Зачем пришли?!

– Мы просто идем, – Сапир старался говорить спокойно. –
Мы не потревожим тебя.

Медведь оскалился, не приняв ответа, и встал на задние лапы.

Гигантский, он закрыл собой солнце.

И тут только Сапир понял, что им несдобровать.

Живот медведя был распорот острым предметом, возможно, камнем.

Рык его обрушил лавину в горах.

И тут же смолкли птицы, словно споткнулись.

И гулко ответила расщелина протяжным воем.

Медведь двинулся на Сапира.

Сапир прикрыл собой Аврама.

Рука его медленно поползла к луку, который висел на спине.

– Не двигайся, Аврам, – прошептал Сапир еле слышно. И потянул стрелу из колчана.

Медведь приближался на задних лапах.

И рычал, р-р-рычал, задирая оскаленную пасть, и размахивал перед собой огромными лапами.

Сапир и Аврам, отступая, уперлись в стену.

Три шага отделяло медведя от них.

Сапир не мог больше медлить.

Он вскинул лук.

Мгновенно натянул тетиву.

Медведь рванулся на него.

Сапир отпустил стрелу, но в последний момент почувствовал удар в локоть.

Стрела взвилась вверх и пронеслась над головой медведя.

Медведь навис над ними.

Сапир, расставив руки, закрыл собой Аврама.

Изо всех сил закричал: а-а-а-а!..

Его глаза встретились с глазами медведя.

Тот застыл...

Он смотрел. Но не на Сапира.

Чуть повернув голову, он смотрел на Аврама.

Так прошло несколько секунд.

Медведь не двигался.

Потом медленно вытянул морду и потянул носом воздух.

Сапир почувствовал его горячее дыхание.

И скосил взгляд на Аврама.

Медведь приблизил морду к мальчику.

Обнюхал его.

Сначала лицо, руки, потом все тело...

Снова всмотрелся в него своими красными глазками.

И вдруг лизнул.

Да-да, он лизнул Аврама прямо в нос.

Сапир боялся шевельнуться.

Аврам тоже.

Медведь лизнул его еще раз, повернулся и вразвалку побежал обратно по тропинке.

Тут ноги Сапира отказали, и он свалился на землю, как мешок.

Аврам опустился перед ним.

– А-а-а? – простонал Сапир, не в силах что-либо сказать.

– Я сам не знаю, – ответил Аврам.

– А-а-а, – снова попытался что-то произнести Сапир.

Обессиленно закрыл глаза. Полной грудью вдохнул.

– Он должен был нас порвать, – прохрипел. – Раненый медведь крушит всех. Тигры, львы, буйволы, – никто не выстоит перед ним.

Только сейчас Сапир понял, что случилось.

Он посмотрел на Аврама и сказал:

– А нас он не порвал...

Покачал головой и смолк. Смотрел на Аврама, словно обнюхивал его, как медведь. Потом таинственно произнес:

– Теперь я понимаю, почему Нимрод боялся тебя...

– Почему?

– Ты и сам не знаешь, кто ты.

– Кто я?

– Вот и я спрашиваю: кто ты?..

Сапир смотрел на Аврама.

Аврам вдруг повернулся и задумчиво пошел вверх по тропе. Сапир с трудом встал и заковылял вслед.

Они шли молча.

Сапир боялся нарушить молчание.

Аврам представлялся ему сейчас большим, как никогда.

Но вот Сапир покосился на солнце и ускорил шаг.

Нагнал Аврама.

– Прости, – сказал он тихо, – что прерываю твои мысли.

Но если хочешь увидеть что-то очень-очень красивое, надо торопиться. Солнце садится. Аврам посмотрел на него невидящим взглядом.

– Что во мне такого, Сапир? Почему меня боится Нимрод?

Сапир вдруг испуганно огляделся. Он не знал, куда деться от этого вопроса и взгляда Аврама.

Его спасло то, что солнце уже коснулось вершины и сообщило об этом тонким лучиком.

Он взял Аврама за руку и осторожно потянул за собой.

– Мы не успеваем! – сказал.

И Аврам вдруг очнулся и воскликнул:

– Побежали!

И они побежали по узкой тропинке вверх!

Перегоняя солнце.

Вот повернули за острый выступ скалы.

Тут тропинка сделала резкий поворот.

Потом взлетела к камню, похожему на профиль орла, спустилась к расщелине, сквозь которую они еле протиснулись.

Сапир вел уверенно.

Аврам до боли сжимал его руку.

– Еще немного, – прокричал Сапир.

Кто-то метнулся перед ними в сторону.

– Это койот. Он трусишка.

Впереди сверкнули огромные желтые глаза.

– Это сова. Она не тронет.

Аврам прижался к Сапиру.

– Еще чуть-чуть, сынок, – подбодрил тот.

И в то же мгновение вдруг за поворотом сверкнул свет.

Секунды прошли, секунды!

И свет ослепил их.

Они выскочили на каменное плато.

Аврам закрыл глаза руками.

А когда открыл...

Сначала смутно, потом яснее начало раскрываться ему чудо.

Они стояли над долиной.

Там внизу в великом покое лежало озеро.

Небо отражалось в нем и птицы в небе.

Множество тропинок вело к воде.

По тропинкам степенно и неторопливо шли животные.

Аврам, пораженный, не мог шевельнуться.

Сапир сиял, как медный котелок.

– Ну? – спросил он тихо. – А?!

Авраму не хватало дыхания, чтобы ответить.

Оно остановилось.

Он видел семью леопардов, а рядом трех грациозных ланей.

Они почти терлись боками друг о друга, не торопясь шли по тропинке.

Он видел тигра и рядом стадо горных быков...

Медведь переваливаясь, трусил к озеру, а справа и слева от него «летели» газели.

Волки с волчатами, лисы, койоты, гиены, олени и оленята запрудили тропинки, ведущие к озеру.

Стекались к нему, как струйки воды.

Они становились у берега и, не мешая один другому, пили, не опасаясь никого и ничего на свете.

– Ну как? – прошептал Сапир. – Ты доволен, мой Аврам?

– Это... – еле проговорил Аврам. – Это Он...

Но Сапир или не услышал ответа, или сделал вид, что не услышал.

– Тут никто никого не тронет, – сказал. – Тут не льется ничья кровь. Такой мир, который нам не снится! – Он произнес свои слова с гордостью... И с печалью! – Сюда все приходят сытыми. Тигр не придет голодным. И медведь не придет. Лев не тронет здесь никого. Потому что это – святое место водопоя. Здесь собирается семья... Семья.

Сапир вдруг замолчал. Он смотрел туда, на эту идиллию, в глазах его стояли слезы.

– Когда мне плохо, я прихожу сюда. И думаю, как хорошо так жить.

Аврам сел на камень.

Он не сводил глаз с этого чуда.

– Я говорил, что тебе понравится, – прошептал Сапир. – Такое не может не понравиться!

На озеро опустились дикие утки.

Лебеди и пеликаны скользили по воде.

Орлы парили, охраняя эту идиллию...

Аврам громко вздохнул.

Солнце уже скрывалось за горой.

Тигр попятился.

Медведь зачерпнул воду лапой и повернулся, чтобы уходить...

Бойня

Садилось солнце.

Заканчивалось чудо единства.

И вдруг резко вскинула голову лань.

Дернулся олень.

Взметнулась голова льва.

Свист прорезал тишину.

Вздрогнул Сапир... Он понял, что происходит.

Аврам увидел, как стрела вонзилась в ногу медведю.

Он взвыл, рванулся прочь, но вторая стрела уложила его на землю.

Тучи стрел обрушились на животных.

Аврам застыл в испуге.

На его глазах падали сраженные звери.

Они метались из стороны в сторону, натываясь на воинов Нимрода.

Да-да, это он, царь Вавилона Нимрод, пришел в долину убивать.

Он сидел на коне и, подняв свой легендарный лук, стрелял и стрелял, молниеносно меняя стрелы.

Его слуги, размахивая красными тряпками, сгоняли зверей в одно место, сжимали кольцо.

Улюлюканье и свист наполнили долину.

И стоны зверей, не понимающих, что происходит и поче-

му, рвались к небесам!..

Сапир мертвой хваткой держал Аврама.

Тот пытался вырваться, умолял...

– Что они делают?! – кричал. – Их нельзя убивать! Нельзя!

Ужас стоял в его глазах.

Но Сапир не смотрел ему в лицо.

Прижимал к скале и сам плакал. Но держал, держал, не отпускал мальчика. И шептал:

– Ты ничего не сможешь сделать, любимый мой Аврам. Что ты сделаешь против Нимрода!?

Падали сраженные орлы, бились крыльями о землю, пытаясь взлететь.

Газели, пронзенные насквозь, замирали в прыжке и падали набок.

Волки с оскаленными пастьми лежали на земле, и глаза их остановились на заходящем солнце.

Войско Нимрода окружало их.

Нимрод никогда не промахивался.

И сейчас бил наверняка.

Да, шло убийство...

Казалось, сама земля сочится кровью.

Ручьями она стекала в воду.

Озеро на глазах становилось красным.

Первым прорвался тигр.

Он смял воинов Нимрода и огромными прыжками стал уходить в горы.

Стрела торчала у него в боку, колыхаясь при каждом прыжке.

В устроенную им брешь рванулись газели, горные козлы...

Лев, облепленный стрелами, из последних сил крушил слуг Нимрода.

За ним уходили те, кто еще мог двигаться.

Но только немногие прорвались.

Сотни и сотни птиц полегли на земле и при взлете.

Нимроду нравилось, как они падают.

Как замирают, пронзенные стрелой, и валятся на землю.

Нимрод добивал самолично того, кто еще шевелился.

...В какой-то миг смолкли стоны и крики.

И наступила такая тишина, которой не знали эти горы.

Просто некому было ни крикнуть, ни застонать, ни вздохнуть.

Нимрод победно оглядел долину смерти.

Да, что и говорить, он был лучшим стрелком на свете.

Теперь никто не мог сомневаться в этом.

Он был царем и богом.

И хотел, чтобы все это знали, все!

Нимрод поцеловал дужку лука.

Повернул коня и медленно поехал мимо застывших воинов.

Ему было уже не интересно здесь.

Жрец Биш проводил его подобострастным взглядом.

И дал команду войску.

Воины спустились с коней и разбрелись среди убитых животных.

Им надо было выбрать самых крупных и сделать из них чучела для дворца.

Шкуры пустить на подстилки, а черепа с отверстиями от стрел разместить в покоях Нимрода, чтобы все видели и боялись.

Ну, а если вдруг попадется живая душа, надо добить ее.

Аврам дрожал в руках Сапира.

Но уже не сопротивлялся.

Вдруг из-за скалы показалась голова тигра.

Он оскалился и, прихрамывая, скользнул в расщелину.

Справа и слева по отвесным скалам проскакали газели.

Вскоре все стихло.

Сапир осторожно повел мальчика обратно.

Камень под его ногой скользнул, перекатился несколько раз и полетел вниз...

Этот звук мог услышать только горный сурок или сова.

Его и не услышал никто, кроме жреца Биша.

Ни одно животное не могло сравниться с ним по слуху и обонянию, по остроте глаза.

Он услышал и поднял голову.

Острый взгляд его сразу же нашел место, откуда исходил звук.

Буквально на мгновение он заметил тень.

Даже не тень, край тени. И тут же отметил, что это не животное.

Метнулся к скале... Как кошка, как горная рысь, почти не касаясь камней, Биш летел вверх...

И вот оно – плато.

Он выскочил на него и огляделся.

Никого.

Медленно ощупал взглядом камни... землю...

Увидел что-то.

В свете уходящего солнца углядел какую-то травинку и поднял ее. Она была поломана посередине.

Взгляд его уперся в расщелину.

Жрец приблизился к ней.

Громко втянул носом воздух...

Вдруг стремительно достал из-за спины лук, из колчана стрелу и, не целясь, пустил её в расщелину.

Видно было, как высекая искры, она ударилась об уступ, отскочила и исчезла в глубине.

Жрец, прищурившись, пристально смотрел в темноту.

Ждал.

По узкой расщелине бежали изо всех сил впереди Сапир и за ним Аврам.

Сапир крепко держал мальчика за руку.

Петляла тропинка.

Но следопыт знал каждый поворот.

Вдруг он остановился.

Прислушался...

И упал на землю, увлекая за собой Аврама.

Стрела, не снижая скорости, пронеслась над головами лежащих.

Сапир вздохнул, поднял Аврама на ноги и, полный тревожных мыслей, быстро увлек за собой.

...Когда они вырвались оттуда, был уже поздний вечер.

Впереди, в стволе дерева, торчала стрела.

Сапир приблизился и прочитал надпись, выжженную на древке стрелы: «Ты не уйдешь от меня».

– Ой, горе-горе, – прошептал Сапир.

Он смотрел на Аврама.

Тот молчал.

– Теперь ни на шаг от пещеры, – приказал Сапир. – Теперь, умоляю тебя, Аврам, слушайся меня во всем, – Сапир тяжело вздохнул. – Старого дурака...

Почему человек убивает?

Три дня Сапир сторожил вход в пещеру.

Как верный пес не смыкал глаз.

Он должен был убедиться, что они оторвались от преследования.

Об этой пещере не знал никто, Сапир был в этом уверен.

Но против них было чутье жреца Биша.

Поэтому все эти дни их еда была очень скудной.

Огонь не разжигали.

Все, что имело запах, замуровали в камнях.

За три дня никто не приблизился к пещере, не пересек долину.

Ни люди, ни звери.

И это успокоило Сапира.

На третий день Аврам, молчавший все это время, заговорил.

– Я хочу остаться здесь навсегда, – сказал он, подсаживаясь к старику.

Перед ними стояли молчаливые горы.

Между горами вдалеке лежала долина.

Она была видна на многие километры вперед.

– Я понимаю, почему ты не хочешь возвращаться, – ответил Сапир. – Ты увидел, на что способны люди.

– Я не знал, что они такие, – ответил Аврам. – Я не хочу

никого видеть. Только тебя. Нам ведь хорошо вдвоем, Сапир?

– Хорошо-то, хорошо, – сказал тот. – И я всегда говорю себе: живи здесь, Сапир, зачем тебе спускаться в долину, там злые люди, там давно забыли, что такое добро, любовь... Но я всегда возвращаюсь.

– Почему?

– Ну, семья... Отец твой там... Забота у меня есть обо всех!

Он посмотрел на Аврама и вдруг развел руками:

– А если честно, то даже не знаю, почему... Мог бы все оставить и сказать всем – нет! Я остаюсь здесь.

– Ну, вот и скажем – нет!.. – попросил Аврам. – Скажем, что мы никуда не уйдем отсюда.

Он придвинулся к Сапиру. Он обнял его.

– Ты научишь меня готовить еду. Будем собирать ягоды, грибы, корни...

И вдруг спросил тихо:

– Ведь можно так прожить, правда?

Сапир кивнул:

– Конечно, можно.

– Ну вот! – оживился Аврам. – Я буду наблюдать за природой, я хочу все описать, все, что происходит. Каждую травинку, каждого жучка. Как он выглядит, как живет, всех-всех. И все растения... И как звезды мигают, и им отвечает наша долина... И как хамелеон меняет окраску.

Аврам прищурился и указал на камень:

– Вот и сейчас его не видно, а он здесь.

Камень вдруг зашевелился и, переваливаясь, побежал прочь.

Аврам улыбнулся.

– Я напишу об утре и вечере, солнце и луне... О том, как все-все живет вместе. И как мы все связаны...

Аврам смотрел на горы. По ним уже ползли вечерние тени.

– Даже тигр не загрызет олененка, если сыт, – произнес Аврам. – Ни маленьких, ни больших не тронет лев, чтобы только показать свою силу. В небе беззвучно парила орлица.

Какое счастье, что она вырвалась из побоища.

– Почему же человек такой, Сапир?

Сапир услышал, как дрогнул голос мальчика.

– Почему он убивает?

В голосе Аврама слышались слезы:

– Почему человек убивает просто так?! Чтобы показать, какой он сильный, да?!

Аврам повернулся к Сапиру, посмотрел ему в глаза и сказал:

– В нем есть такое, чего нет в самом злом звере...

Сапир вздохнул, развел руками и вдруг услышал:

– Сапир?

– Да, мой любимый господин.

– Здесь, в горах, живет человек.

Взгляд Сапира мгновенно изменился.

– Откуда ты знаешь? – растерялся он.

– Я видел поломанную ветку недалеко от нашей пещеры.

– Это был зверь... Они сейчас бродят ночами...

– Нет, это был человек, я знаю.

Аврам в упор смотрел на Сапира.

– Здесь живет кто-то, кроме нас? – тихо спросил он.

– Не знаю! – резко ответил Сапир.

– Кто?!

– Я сказал тебе, не знаю!

– Кто он, Сапир, я тебя очень прошу, скажи мне, – Аврам

всем телом потянулся к нему.

– Нет-нет, – произнес тот и отодвинулся от Аврама.

– Это очень важно, – Аврам не отступал. – Очень!

– Но что тебе до него?! – воскликнул Сапир – Нет тут никого. Тут никто не живет.

Аврам не отпускал старика.

– Даже если кто-то тут и живет, я не знаю, как к нему пройти, – пробормотал Сапир. – Не знаю, кто он. Не хочу о нем говорить. И все. И не проси меня.

Аврам смотрел и смотрел.

Сапир не мог выдержать его взгляда.

– С ним запрещено встречаться. Под страхом смерти, – наконец сдался он. И даже оглянулся, не слышит ли их кто-нибудь.

– А мы никому не скажем, – Аврам придвинулся к Сапи-

ру. – Тихо придем и тихо уйдем.

– За его домом следят днем и ночью! – прошептал Сапир. – Ты что, не понимаешь?

– А мы... – начал было Аврам.

Но Сапир не дал ему договорить.

– Ты хочешь, чтобы меня казнили? – спросил он прямо.

– Нет! Что ты?! – испугался мальчик.

– Ты хочешь, чтобы казнили твоего отца?

– Не говори так!

– Ну тогда как ты можешь просить об этом?! Жрец бродит вокруг. Он спит и видит, эта грязная скотина, чтобы палач Сиюта убил твоего отца – благородного Тераха. И тебя... А тогда и мне незачем жить... Ты что, не понимаешь?!

Сапир вдруг осекся.

Он понял, что кричит на Аврама.

Он, никчемный старикашка, кричит на этого мальчика, который и не мальчик совсем.

Он очень большой, очень...

– Аврам, никто не должен встречаться с тем человеком, чтобы не случилось беды, – проговорил он уже тихо. – Нимрод казнит любого, кто встретится с ним. Теперь ты понимаешь, что это за человек?

– Да, – прошептал Аврам. – Он враг Нимрода.

– Еще какой, – ответил еле слышно Сапир. – Нимрод уже давно убил бы его, но не может...

Сапир умоляюще смотрел на Аврама:

– Обещай мне, что ты больше не вспомнишь о нем? Потому что это опасно для всех.

– Обещаю, – ответил Аврам. – Извини меня, Сапир. Я думал только о себе.

При этих словах Сапир вдруг вскочил и в порыве чувств обнял Аврама.

– Любимый мой, Аврам, какой же ты особенный, а?! И как же я тебя люблю!

– И я тебя, – просто ответил Аврам.

– Хочешь, – Сапир вдруг улыбнулся. – Хочешь, я сделаю тебе сладкую лепешку? И ты съешь ее со сладким питьем. Я нашел в горах траву, которая дает силу тигра и уверенность льва.

– Нет, Сапир, спасибо, – ответил мальчик и встал. – Я пойду, Сапир. Я хочу спать.

Он повернулся и направился к пещере.

Было поздно. Или очень рано. Начало светлеть небо.

И проявились звуки уходящей ночи...

Почему-то раньше их не было слышно.

Послышался шорох, но он никого не испугал. Было известно, что это горная лиса возвращается с ночной охоты.

Забила крыльями белогривая орлица, будя своих малышей.

Ухнула сова, завыл койот вдалеке...

Аврам не боялся этих звуков.

Он вообще никогда их не боялся.

Ведь они сопровождали его от рождения.

Спасение

Аврам вошел в пещеру.

Приблизился к своему ложу, устроенному из веток и ишкур. Присел, коснулся рукой края постели.

И вдруг услышал истошный крик Сапира:

– Сто-о-о-й!

Сапир изо всех своих сил, на какие только был способен, оттолкнулся от земли, пролетел несколько метров, отделяющих его от Аврама...

Но не успел...

Нохаш – змея, самая ядовитая, хуже нет, впилась в руку мальчика.

И тут же Сапир ногой придавил её.

Она вскинула свою узкую голову, попыталась вывернуться. Но Сапир тут же камнем расплющил ей голову.

Аврам тихо сидел в стороне и смотрел на едва заметный след от укуса на руке.

Сапир схватил его руку. Ножом, не раздумывая, увеличил рану, выпуская кровь.

Метнулся в угол пещеры, высыпал на землю содержимое своего мешка, подхватил какой-то засушенный корень, быстро начал растирать его в пальцах... И этим порошком посыпал рану, которая кровоточила.

После этого упал на землю рядом с Аврамом. И приказал:

– Смотри на меня!

Аврам поднял на него глаза.

Сапир приблизился к нему так, что они почти касались носами друг друга. И зашептал:

– Бог Мота, ты не заберешь его?! Нет-нет!.. Не заберешь! Не заберешь!.. Нет!..

Вдруг он увидел что-то в глазах Аврама.

Аврам покачнулся.

– Умоляю! – закричал Сапир.

Аврам начал медленно валиться набок.

– Не-е-ет!..

Сапир подхватил его.

Аврам терял сознание.

Глаза его закатывались.

Сапир поддерживал его под голову, руки его тряслись.

– Что это, Сапир? – еле слышно прошептал Аврам.

– Не закрывай глаза, Аврам... не закрывай... мой мальчик...

Сапир не договорил.

Аврам повис на его руках.

Он был без сознания.

Сапир смотрел на него мгновение, словно пытался осмыслить ужас происшедшего.

Потом оглядел туманным взглядом пещеру.

Он ничего не искал.

Просто взгляд его блуждал по каменным стенам.

Пока вдруг не столкнулся с божками, выглядывающими из ниши.

Они молчали, божки эти.

Что они могли сказать?

Как они могли допустить, чтобы это случилось?!

Сапир сидел в оцепенении.

Прошла целая минута.

Он знал – спасения нет.

Но не хотел этому верить.

Его мозг работал какими-то рывками.

Мысли возникали и рассыпались.

Он перебирал варианты.

И вдруг пришло холодное спокойствие.

И тогда Сапир схватил Аврама на руки.

Вскочил с колен и рванулся вон из пещеры.

Он бежал по едва заметной тропинке, как молодой олень.

Колючки царапали его ноги, острые камни впивались в них и раздирали до крови, но он не замечал ничего.

На его руках умирал Аврам.

Куда он бежал?

В ночь.

Солнце уже село за горы, и только чуть горело небо, освещающая тропинку.

Она петляла, светилась, уводила все выше в горы...

И вдруг пропала.

Пришла кромешная тьма.

Но это не остановило Сапира, наоборот, он припустил еще быстрее.

Он чувствовал дорогу, не видя ее.

Он бежал и не спускал взгляда с лица Аврама.

Дыхание, казалось, ушло из него.

Но Сапир знал, мальчик жив.

Через час Сапир уже сам еле дышал.

С трудом передвигал ногами.

Словно тащил на себе огромный груз.

Он был так поглощен Аврамом, что не видел огромную черную тучу, которая вдруг закрыла луну.

Подул ветер.

Большие капли дождя ударили по камням.

Они стекали по бледному лицу Аврама.

В мгновение дождь превратился в ливень.

Сапир уже не бежал и не шел, он еле полз.

Силы ушли.

Но Аврама он не опускал.

Именно тогда и раскрылась эта расщелина в горах.

А в ней – маленький домишко, больше похожий на корабль. Сбитый из дерева, подпертый камнями, казалось, вот-вот он развалится.

Тем более при таком ливне.

Но он стоял, вопреки всему.

Сапир, не оглядываясь, подполз к дому.

Постучал.

Не знал, конечно же, бедный Сапир, что из шалаша, метрах в пятидесяти от дома, за ним наблюдали шпионы Нимрода.

Их было двое – молодой и пожилой.

Молодой разбудил пожилого и молча указал на дом.

Тот протер глаза.

Сквозь пелену дождя, он увидел человека, лежащего у дверей.

Человек стучал кулаком, видно, из последних сил.

Потом развернулся на животе, как черепаха, и начал молотить ногами.

На вытянутых руках он держал мальчика лет десяти.

Двое в шалаше переглянулись.

Вдруг открылась дверь.

В дверях со светильником в руке стоял грозный Старик.

И голос у него был трубный, даже эти двое услышали.

Вращая выпученными глазами, Старик протрубил:

– Ты зря пришел сюда, Сапир, старая скотина!

– У меня Аврам на руках, – простонал Сапир.

– Я не помогаю людям. Ты же знаешь, я разочаровался в них.

– Он особенный, этот мальчик. Вылечи его!

Старик сделал шаг обратно.

Но Сапир вставил ногу между дверью и косяком.

– Ты не закроешь дверь, – сказал Сапир, – или тебе придется отрезать мне ногу.

Сказал и, морщась, вытянул вперед руки.

На них безжизненно лежал Аврам.

Старик взгляделся в лицо мальчика.

Вдруг стремительно нагнулся.

Нос его почти коснулся лица Аврама.

Его выпученные глаза выкатились еще больше.

– Дай мне его! – прошептал.

Быстро подхватил мальчика и внес в дом.

Он не захлопнул за собой дверь.

И Сапир заполз вслед за ним.

В шалаше напротив дома молодой шпион накиннул сухую шкуру кожей наружу и вышел в ночь.

Пожилой остался наблюдать.

Только прошептал ему вслед:

– Скажешь, мальчишка жив. Биш озолотит нас.

Неотвратимая встреча

В доме было тепло.

Горел светильник на длинном столе.

Старик положил Аврама сюда же, на стол.

Разглядывал рану.

Почему-то не торопился.

Сапир прохрипел:

– Я бежал два часа. Время уходит.

– Помолчи! – бросил Старик.

И влил в рот Авраму какую-то жидкость.

Потом отвел руку и, не глядя, стал раскалять нож над огнем.

Сапир отметил про себя, что Старик спокоен.

Это было важно.

Значит, он, Сапир, успел.

Только подумал об этом, как тут же потерял сознание.

Очнулся на деревянной скамье.

Непонятно было, сколько времени прошло.

По-прежнему было темно.

За окном ливень лупил изо всей силы.

Пахло какой-то едкой травой.

Сапир увидел Старика, сидящего за столом.

Потом переместил свой взгляд на Аврама, лежащего на его постели.

– Жив? – чуть дыша спросил Сапир.

– Он не может умереть, – ответил Старик.

– Но его укусил Нохаш!

– Ну и что?

– Он умирал у меня на руках! – Сапир рывком сел на кушетке.

– А как еще можно было тебя, дурака, привести сюда? – усмехнувшись спросил Старик.

– Так значит... – Сапир даже приоткрыл рот, глядя на него. – Значит ты-ы-ы...

– Что?.. Наколдовал?!

Старик хмыкнул и закатил свои выпученные глаза. – Идиоты! – прохрипел он. – Вы все свихнулись с вашими жрецами и магами! Этот парень должен был сюда попасть и попал. Понятно?!

Сапир испуганно оглянулся.

– Чего ты оглядываешься! – протрубил Старик. – Чего вы все боитесь?!

– Тебе легко говорить, – начал оправдываться Сапир. – Они тебя не тронут...

– И ты, старая лиса, боишься за свою шкуру?!

– Мне плевать на свою шкуру! Вот он – моя шкура, только за него и боюсь!

Аврам не шевелился.

Лежало перед Сапиром безжизненное тело самого любимого человека, – и все, и хоть ты вой!

Старик выглянул наружу – все заливал дождь.

Перевел взгляд на Сапира. И бросил:

– Он очнется через двое суток.

Медленно тянулись эти два дня.

Все это время ливень не прекращался.

Наоборот усиливался.

Двое суток Сапир спал или делал вид, что спит, чтобы не разговаривать со Стариком.

Во-первых, это было запрещено, во-вторых, он его боялся, и наконец, Старик и сам не стремился к разговорам.

Сапир, не спрашивая разрешения, перекинул свою постель под ноги к Авраму и или спал, или готовил пищу, или сидел перед мальчиком, раскачиваясь и напевая какую-то однообразную мелодию.

Ровно через два дня Аврам открыл глаза.

Сапир увидел это первым.

– Авра-а-а-м, – простонал он. – Ну, сколько раз я тебя просил, сынок, прежде, чем ложиться, ударь ногой по лежанке...

– Где я? – спросил Аврам, оглядывая жилище.

– Где и хотел, – вздохнул Сапир. – В доме Старика.

Старик, не торопясь, подошел к Авраму.

– Значит, тебя волнует, кто всем этим управляет? – спросил он прямо. – А?..

Аврам даже задержал дыхание: откуда он узнал об этом?! И еле слышно прошептал:

– Да...

– И почему природа добрая, а человек злой?

– Да, – пролепетал Аврам.

– Ну, что ж, поговорим...

В это самое время одинокий всадник осадил загнанную лошадь у ворот столицы.

Была ночь. Ливень не прекращался.

Освещенные факелами лица стражников белели на крепостной стене.

– Кто? – послышался хриплый окрик одного из них.

– Срочное донесение Бишу! – был ответ.

– Пароль?! – послышался другой голос.

– Пьяный сурок.

На стене рассмеялись. Ворота начали медленно открываться. Лошадь под всадником захрипела и повалилась набок.

Он еле успел соскочить с нее. И помчался к воротам.

Быстро миновал их. Стремительно пробежал три изогнутых переулка и оказался у темного здания, напоминающего голову паука.

Гонец постучал.

Дверь открылась.

Охранник увидел гонца и мгновенно посторонился.

Тот пробежал по длинному коридору к резной двери.

Дернул за шнур, привешанный к косяку.

Глубоко внутри звякнул колокольчик.

И тут же холодом подуло из всех щелей.

Послышался звук приближающихся шагов.

Гонец задрожал.

Дверь открылась.

На пороге с кубком в руке стоял Биш.

Красная жидкость в кубке дымилась.

Комната за его спиной тоже была наполнена дымом...

– Говори, – произнес Биш.

– Две луны назад, у дверей Старика появился Сапир, – дрожащим голосом доложил гонец.

Биш кивнул.

Глаза его сверкнули.

– И с ним мальчик, – сказал Биш. Это был не вопрос, а утверждение.

– Да, – еле слышно ответил гонец.

– Ты должен был скакать быстрее, – взглядом Биш уперся в глаза гонца.

– Я не останавливался... Я загнал лошадь, – прохрипел тот и сполз на пол.

Биш перешагнул через него и быстро пошел по коридору.

Вскоре из ворот города в ночь проскакал отряд всадников.

Они скакали молча, и уже сразу видно было: коней они щадить не будут.

Тем временем в дом Старика возвращалась жизнь.

Аврам попытался встать, но Старик бесцеремонно остановил его.

– Лежать пока! – приказал. – Я скажу, когда можно встать.

И тут же продолжил:

– А ты как думаешь? Кто правит миром?

– Не наши боги, – ответил Аврам.

– Ваши боги! – Старик даже захлебнулся от ярости. – Ваши боги – это глиняные истуканы!.. Ваши боги!

Сапир ойкнул, закрыл уши ладонями и попятился к печке.

– Ваши боги! – фыркнул Старик с издевкой. – Носатый старец с бородой – бог солнца и ленивое ничтожество – бог неба! А этот, видите ли, бог земли, поэтому он такой надутый.

Старик коверкал слова и кривлялся:

– Бог мертвых, бог живых, бог ветра, бог моря, бог мусорных куч! Все обезумели с этими богами. Всем отсушили мозги!

Он закипал. И уже начал кружить по дому, с каждым шагом распаясь все больше и больше.

– Конечно, ему надо управлять своими рабами! – воскликнул Старик, – этому, вашему чудовищу Нимроду!..

– Ну, тише, я тебя прошу тише, – простонал Сапир из своего угла.

– Вот, пожалуйста, – Старик ткнул пальцем в его сторону. – Для этого надо лишить их разума!.. И он лишил их его!

Открытие Аврама

Аврам уже незаметно для Старика сел на кровати.

Он впитывал каждое слово.

– Ну и что стоит за всем этим? – спросил Старик.

– Одна сила, – ответил Аврам, не задумываясь.

В углу раздался треск. Глиняный кувшин выпал из рук

Сапира.

Старик уставился на Аврама.

– Откуда знаешь?!

– Знаю.

– Откуда?!

– Чувствую.

Вспыхнули глаза Старика.

– Чувствуешь?!

– Да.

Выпученные глаза Старика вращались, как у хамелеона.

Старик буравил Аврама взглядом.

– А ты спрашиваешь, почему я вас в дом впустил, – вдруг сказал он. – Сапир, ты слышишь, старый?!

– Слышу-слышу, – донеслось из угла. – Лучше бы не слышал.

– Вот из-за него и впустил, – сказал Старик.

И вдруг обнял Аврама.

И Аврам тоже прижался к Старику, как к самому родному

человеку.

– Ты тоже это чувствуешь? – спросил Аврам, затаив дыхание.

– Еще как! – ответил Старик.

И тогда Аврам засмеялся.

Легко и так чисто, как смеются только люди, когда их сердце открыто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.